

Глава 28: Конец. Часть 1 Гу Вэйци неожиданно расхохотался, — Цзян Цинъюэ, ты не то чтобы не веришь, а просто не хочешь верить, верно? Цзян Цинъюэ терпеливо повторила: — Я не верю, я уже сказал это. Я знала, что он скажет эти слова. Гу Вэйци замолчала на пару секунд, а затем взорвалась истерикой: — Что ты тут со мной притворяешься?! Больше всего меня, его мать, бесит твоя самоуверенность! Ты смеешь говорить, что тебе все равно, что сказал Рен Шухан, думаешь, я верю? Ты просто убегаешь! Цзян Цинъюэ вздохнул, смущенный, ведь он никогда раньше не сталкивался с подобным человеком. — Я сказал, что знаю, и я действительно знаю. Иначе я бы повторил то, что ты только что сказала. Ты слушаешь? В коридоре неподалеку Рен Шухан стоял неподвижно. До ребенка оставался всего один поворот и несколько шагов, но у него внезапно разболелась голова. И не от потока воспоминаний, а от того, что он не хотел этого слышать. Не говори. Не повторяй. — Он сказал, — легкомысленно повторила Цзян Цинъюэ, — я сожалею об этом. После твоего ухода я понял, насколько ты важен для меня. В ночь перед тем, как Рен Шухан был привязан к системе, он постучался в дверь Гу Вэйци, слегка подвыпив. Сначала он произнес несколько фальшивых приветствий, а после холодного приема импульсивно признался в своей искренности. Воспоминания возвращались в хронологическом порядке. Неизвестно, было ли это совпадением или настройкой системы. Как раз когда Гу Вэйци произнесла эти слова, Рен Шухан все вспомнил. — Он сказал, — Цзян Цинъюэ сел за стол и продолжал повторять, — впервые в жизни я знаю, что такое любовь, а также впервые я влюбился, и этот человек — ты. Такое признание только раздосадовало Гу Вэйци, но Рен Шухан, захваченный ореолом главного героя, не мог отстраниться. Поэтому после отказа Гу Вэйци он пошел в бар и напился. На следующий день система сообщила ему, что Цзян Цинъюэ, только что вернувшаяся в Китай, узнав, что Вэньсинь не может связаться с ним, отправилась на его поиски. Она объехала полгорода, прежде чем нашла его и забрала домой. — Он сказал, — Цзян Цинъюэ сделал глоток воды, прежде чем продолжить, — раньше я думал, что мне нравится Цзян Цинъюэ, но я ошибался. Мои чувства к нему — это вовсе не любовь, что бы он ни говорил. Если он не вернется, я не буду иметь с ним ничего общего. Критикуйте меня, можете ли вы простить меня и дать мне еще один шанс? В ту ночь Цзян Цинъюэ заботился о пьяном Рен Шухане, но тот считал его Гу Вэйци и повторял все эти глупые слова в его объятиях. Теперь Рен Шухан не мог обвинить систему в том, что она не подсказывает и почему в оригинале книги не все понятно написано. Еще один шаг в сторону комнаты Цзян Цинъюэ, казалось, истощил все его силы. — Цзян Цинъюэ поставил чашку на стол, встал и сделал два шага вперед: — Но мне все равно. Если это все, что ты хочешь сказать, то можешь идти. Гу Вэйци была невысокой, и когда увидела, как он приближается, инстинктивно отступила. У Цзян Цинъюэ не было лишних движений, выражение лица оставалось мягким, но темперамент был ужасный. В оригинальной книге роль Цзян Цинъюэ как Бай Юэгуана закончилась после той ночи. Он больше не появлялся в последующих шоу, у него не было никакой свадьбы. Он должен был играть роль второго плана без реплик. — Он... — Гу Вэйци глубоко вздохнула и дрожащим голосом сказала, — он вовсе не любит тебя, но ты... ты не хочешь быть с ним. Вы никогда не думали, что он может просто заставить меня ревновать, или... или... Она не могла продолжить. Она сама не могла найти никакой другой причины, ведь с точки зрения обычного человека, никто бы не подумал, что Рен Шухан зашел так далеко из-за такой мелочи. Но Цзян Цинъюэ нашла для нее другую причину: — А может, он потерял память и забыл свои чувства к тебе? Гу Вэйци сделала паузу, прежде чем сказать: — Да, да! Разве ты не считаешь себя бесстыжей, раз так его привязала?! Рен Шухан уже подошел к двери, но, услышав слова Цзян Цинъюэ, снова остановился. — Как я уже сказала, мне все равно. Пока молодой господин хочет быть со мной, мне все равно, кого он любит. — Цзян Цинъюэ сделал жест "пожалуйста": — Вы можете заключить пари и подождать, если не уходите. Я вызвала охранника, который отпустит молодого господина. Гу Вэйци с трудом дышала, задыхаясь, и спросила: — Цзян Цинъюэ, ты делаешь вид, что не дерешься и не грабишь на поверхности, но за спиной ты совсем другой человек. А перед братом Ханом ты совсем другой. Он знает? Как ты думаешь, что он мог знать? Цзян Цинъюэ нахмурился, схватив

ее за воротник и прижав к двери: — Ты угрожаешь мне? Гу Вэйци видела, что он слишком худой, но не ожидала, что он такой сильный, что она не сможет вырваться. На мгновение она испугалась еще больше. Но прежде чем она успела испугаться и заговорить, Рен Шухан неожиданно ворвался в дверь и толкнул ее. Рен Шухан не мог слушать, как другие оскорбляют его ребенка, но он только слышал голос и не смотрел на ситуацию в комнате. Порывисто толкнув дверь, Гу Вэйци, прижатая к двери, попала прямо в объятия Цзян Цинъюэ. Гу Вэйци сразу же смутилась. Цзян Цинъюэ: — ? Гу Вэйци: — ! Рен Шухан отреагировал быстрее всех, оттащил Гу Вэйци и ударил ее прямо в лицо: — Переместить мою жену? Смерть в суде? Цзян Цинъюэ: — ??? — Быстро убирайся отсюда, — сказал Рен Шухан, указывая на коридор, — еще одно домогательство, и я сообщу по всей сети, что ты продал свое тело директору ХХ. Гу Вэйци закрыла лицо, посмотрела на него в шоке и панике. Ее глаза были полны неверия, она резко спросила: — Невозможно! Откуда ты знаешь? Нет... О чем вы говорите, это не так! Рен Шухан перестал говорить с ним глупости, и сказал двум телохранителям в коридоре отдельно: — Уведите его. Идите и предупредите Янь Хуана, сказав, что то, что я сказал, на этот раз нормально. А в следующий раз, когда у меня будут неприятности, я его заберу. И, пожалуйста, уходи. Гу Вэйци посмотрела на Рен Шухана и вдруг вспомнила выражение лица Янь Хуана, когда тот смотрел на нее. Оно было очень похоже на выражение лица Рен Шухана. Его потащили на другую сторону коридора. Повернув за угол, он миновал коридор. Под коридором стояли несколько мужчин, одетых как шаферы, и беседовали. К сожалению, он знал их всех. Единственным, кто наблюдал за разворачивающейся вакханалией, был Шэнь Синхэ. Увидев, как Гу Вэйци, словно похищенного, уводят вглубь праздничного хаоса, он остро почувствовал себя невольным участником чужой пьесы, где ему отведена роль заурядного статиста. — Эй, — он кивнул на удаляющуюся фигуру Гу Вэйци и обратился к стоявшему рядом Янь Хуаню, — Брат Хань, могу я тебя отпустить? — Почему бы тебе не отпустить меня? — Янь Хуань, тот, кто, казалось, был одержим собой до паранойи, тот, кто желал бы навеки заточить Гу Вэйци в темнице, в этот момент просто улыбался, глядя на себя, как на отражение в зеркале. — Это всего лишь шутка. Кто сказал ему вчера вернуться пораньше и думать о сексе, а не о друзьях? Я просто считаю, что на свадьбе должен быть кто-то, кто скажет "я против", чтобы было интереснее. Гу Вэйци подумал, что Рен Шухан наверняка знал об этом плане Янь Хуаня и что тот будет так вежлив с ним, без двусмысленности, только потому, что был в курсе его сделки с директором... Все они знали о себе самое худшее. — Это не так, — Гу Цинмэн, даже не взглянув на него, тот, кто, казалось, был отвергнут Шэнь Синхэ из-за него, тот, кто ревновал его до безумия, но был бессилен, сейчас просто хмурился с отвращением, будто мимо него проползло нечто мерзкое, — Молодожены милые, а он отвратителен, создавая такие проблемы. К ним подошел Ку Чонг, тот, кто, казалось, молча охранял Гу Вэйци от начала до конца и был готов отдать за него все, но сейчас он выглядел растерянным, — А? Разве это не Гу Вэйци? Почему его уводят телохранители? Что случилось? Шэнь Синхэ указал пальцем на удаляющуюся фигуру. Ку Чонг: — ? — У тебя проблемы с мозгами, — равнодушно усмехнулся Янь Хуань, — Это всего лишь потерянная собака. Она понаблюдала за весельем и ушла, поторопись и помоги подготовиться к свадьбе. Это была последняя фраза, которую услышал Гу Вэйци, прежде чем его вытащили из этого шумного зала. В этот момент он, наконец, прозрел. Гу Цинмэн и Цзян Цинъюэ, которые, казалось, должны были завидовать ему, даже не смотрели в его сторону, а те мужчины, которые, казалось, были одержимы им до безумия, не любили его. Теперь уже не он выбирал. По дороге к выходу из свадебного дворца, мимо него проходили бесчисленные гости, кто-то шептал, кто-то презрительно фыркался, кто-то смеялся, но он не мог ничего сделать. Только тогда он понял, что все его фантазии были основаны на том, что Рен Шухан и другие прекрасные мужчины любят его. Теперь же эти фантазии рухнули, как карточный домик, и он стал обычным человеком, которого когда-то презирал больше всех. До конца своих дней он никогда больше не увидит Рен Шухана и Цзян Цинъюэ. После того, как Рен Шухан закрыл за собой дверь в комнату, он попросил систему заблокировать для него самого Гу Вэйци и все связанные с ним новости. Безумец не страшен, но безумец, который знает свою темную

историю, страшен. Они с Цзян Цинъюэ посмотрели друг на друга и, поразмышляв немного, заговорили одновременно. — Я любил только одного человека... — прошептал Рен Шухан. — Это прекрасно... — добавил Цзян Цинъюэ. Они замолчали одновременно. Рен Шухан посмотрел на свои покрасневшие щеки и спросил: — Что красивого? Глаза Цзян Цинъюэ затрепетали и несколько раз упали на брошь из цветов, украшавшую его грудь. — Платье? — Рен Шухан подошел к нему и спросил, — Ты все еще хвалишь мое платье в это время? Рен Шухан редко носил белое. Сегодня на нем был великолепный белый смокинг, похожий на наряд Цзян Цинъюэ, но широкие плечи и грудь придавали ему совсем иной вид. Ши Цзян уже примерял его раньше. Цинъюэ никогда не видел его. — Что случилось? — Он поднял голову и моргнул, — Что ты только что сказал? Рен Шухан обхватил его лицо правой рукой и прижался лбом к его лбу. — Я сказал, что в своей жизни любил только одного человека, и это ты. Цзян Цинъюэ медленно открыл глаза: — Ты это слышал? Его губы были слегка приоткрыты и немного дрожали, но Рен Шухан прижал большой палец левой руки к его нижней губе и нежно погладил. — Я слышал это и запомнил, — Рен Шухан сжал его подбородок правой рукой и с некоторой силой строго отчитал, — Почему ты мне не сказал? Если я не могу вспомнить, ты никогда не скажешь? Неужели? Потому что ты думаешь, что я брошу тебя, если узнаю? Цзян Цинъюэ поспешно покачал головой, его сила, которую он проявил, столкнувшись с Гу Вэйци, исчезла без следа. Если бы не этот случай, Рен Шухан чувствовал, что никогда в жизни не сказал бы такой тошнотворной вещи, и он все еще использовал этот скрежещущий тон: — Ты не знаешь, что когда тебе некомфортно, мне будет неприятно? Глаза Цзян Цинъюэ были покрыты слоем тумана, как у обиженного ребенка. В полной памяти Рен Шухана за все эти годы, кроме как перед сном, Цзян Цинъюэ впервые показал такое выражение с тех пор, как пошла в начальную школу, когда в школе сказали, что она хочет обрезать волосы. И вот уже второй раз. Даже когда он был без сознания, он не плакал в ту ночь, когда он обнял его и признался в своих словах. Он просто нежно утешал его, как заботливый родитель. Но характер Рен Шухана все еще не утих, он с силой укусил Цзян Цинъюэ за верхнюю губу и заставил его спросить: — Почему ты не попросил меня объяснить? Не веришь мне?